(0,5 п.л.)

Олег ПЕТРОВ

И САМ ПРОШЕЛ КРУГИ АДА…

документальный очерк

«Дело № 2096» – так называлась статья помощника прокурора Читинской области И. Климова («Забайкальский рабочий», 1 мая 1991 г.), в которой рассказывается об одном из эпизодов массовых репрессий 1930–4 0-х годов в Забайкалье. Речь шла о трагических судьбах руководителей Гутайского молибденового рудника, наших земляков из Красночикойского района, которые были обвинены во «вредительстве» и других подобных преступлениях. А положила начало репрессиям на руднике докладная записка, которую в начале 1937 года направили в адрес секретаря Восточно-Сибирского обкома ВКП (б) Разумова и наркома – Генерального комиссара государственной безопасности Ежова секретари Красночикойского райкома партии И.М. Курыгин и Г.И. Сысоев.

«На молибденовом руднике свили прочное гнездо враги народа – троцкисты, вредители с партийными билетами и без таковых…» – сигнализировало районное партийное начальство. Карательная машина сработала без промедления…

В статье Климова подробно рассказывается, как было сфабриковано «молибденовое дело», и о его страшных последствиях. На горькой, но жизнеутверждающей ноте заканчивает автор свое повествование: пусть и с запозданием, но правда победила – репрессированные по делу на Гутайском руднике ныне полностью реабилитированы. «Поиск материалов еще продолжается», – пишет помощник прокурора.

Последнее получило подтверждение буквально через несколько дней после публикации статьи И. Климова: читинским краеведом А.Е. Власовым в Государственном архиве Читинской области был обнаружен интересный документ – копия заявления, которое 3 ноября 1939 года в ЦК ВКП(б) и в Читинский обком партии направил один из авторов той докладной записки, с которой началось «Дело № 2096».

Обращаясь в Центральный комитет партии, секретарь Красночикойского райкома И.М. Курыгин писал:

«В начале января 1938 г. я вызываюсь в Читу в Обком ВКП(б) с докладом о работе Райкома за 1937 г. этот вызов для меня был неожиданным. На доклад мне дали 10 минут. На заседании присутствовали два члена оргбюро ЦК ВКП(б) – быв. второй секретарь КУЗЬЯН и быв. нач. обл. управления НКВД ХОРХОРИН. После 10-минутного доклада мне сразу предъявили обвинения в том, что я не выполнил решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., конкретно выражающееся в том, что я мало

исключил (разоблачил) врагов народа в районе, да и те семь человек, которые были исключены из партии, исключены тогда, когда они уже были арестованы. Кроме этого меня обвинили в семейственности и выпивке с ПредРИКом, Зав.РайЗО и др. руководящими работниками района, которые уже были привлечены к ответственности органами НКВД и Прокуратурой за вредительство. КУЗЬЯН внес предложение – снять меня с работы, а ХОРХОРИН высказал мне политическое недоверие…»

Нетрудно догадаться, что в число тех семерых «врагов народа», которые количеством явно не потянули на разнарядку НКВД, были руководители и инженерно-технические работники Гутайского молибденового рудника. Что же касается номенклатурных коллег Курыгина – председателя райисполкома, заведующего районным отделом землеустройства и других «боссов» Красного Чикоя, то они проходили по другой разнарядке и в свои заслуги записать их разоблачение Курыгину было никак невозможно.

Надо заметить, что предъявленное в обкоме обвинение секретарь райкома встретил с негодованием: как это так, все сидят и молчат, а оргбюро « в лице двух человек» принимает необоснованное решение?!

Курыгин потребовал созвать районное партийное собрание и на нем поставить вопрос о работе райкома и о нем, как секретаре. В этом было отказано, и заседания бюро обкома Курыгин вышел бывшим секретарем РК. Но этим не ограничились.

В конце января в чикой приехал инструктор обкома Минин, собрал в клубе коммунистов райцентра и объявил, что их бывший партийный «голова» имел связь с врагами народа, ныне арестованными, выпивал с ними – посему обком его и снял. А он, Минин, от имени областного комитета партии, вносит предложение исключить Курыгина из рядов ВКП(б), заканчивая свою донельзя лаконичную речь, Минин многозначительно добавил: «А если коммунисты ошибутся и не примут предложения обкома, то обком тогда вас поправит».

Но собрание «предложения» не приняло. Не один час буквально торговался представитель областной партийной власти с местными коммунистами. Промежуточный вариант – объявить Курыгину «строгач с занесением» за то, что он «имел семейственные отношения с ныне арестованными работниками» – тоже не проходит. Наконец, сошлись на выговоре. Копию протокола партсобрания и самого бывшего секретаря обкомовский представитель повез в Читу.

Секретарь обкома Кузьян два дня «мариновал» Курыгина в приемной, лишь после принял и объявил, что поедет Курыгин вновь на руководящую работу, но в другой район. Дескать, погорячилось тогда бюро, не следовало снимать Курыгина, но коли так получилось, то в мае – июне начнутся районные партконференции, «изберем» на партработу снова. А пока кузьян предложил «потерпевшему» поработать в облнархозучете, начальником бюро всесоюзной переписи населения.

Через три месяца секретарь партячейки сообщил Курыгину, что дни его работы в областной статистической службе заканчиваются, пора ехать в

Красный Чикой, сниматься с партучета, ведь впереди работа в другом районе.

2 июня 1938 года при снятии с партийного учета И. Курыгин был арестован. У него отобрали партбилет, а райком, которым он еще в январе «рулил», задним числом исключил бывшего секретаря из ВКП(б) как… врага народа.

И открылась теперь уже бывшему партийному функционеру правда жизни:

«…Когда меня посадили в камеру, когда я перешагнул порог этой камеры, я ужаснулся. Я увидел колхозников, которых я знал многих, как партизан и лучших работников. Их первый вопрос ко мне со слезами на глазах был такой: «Скоро ли узнает ЦК ВКП(б) и тов. СТАЛИН о методах, при помощи которых из нас делают вредителей, повстанцев, диверсантов?»

Они мне стали рассказывать об избиениях на допросах, стали показывать избитые спины, распухшие ноги и т.д. я онемел и ничего не соображал. Прошло два-три дня, я пришел в себя, понял и увидел: невиновных людей делают врагами народа.

Колхозники подробно (плача) рассказывали о готовых протоколах, которые их вынуждали подписывать, о том, как они вынуждены были выдумывать показания. Рассказали, что всей этой провокацией заправляет сам начальник районного отделения НКВД ПОДАЮРОВ и его сотрудники СЕМКА, ТУРЧИН, АЛЕКСЕЕВ, которые зверски избивали на допросах арестованных. К допросам были привлечены и работники местной милиции. Они также избивали…»

К тому времени, когда Курыгин писал это заявление в ЦК, а было это, напомним, в ноябре 1939 года, двое из чикойских чекистов, Семка и Алексеев, уже работали в областном управлении НКВД. Переведы были явно за проявленное усердие, потому что и в Чите отличались прежними садистскими замашками.

Через несколько дней после ареста, не допрашивая, Курыгина увозят в Читу. Еще пятеро суток он без вызова находится в камере внутренней тюрьмы УНКВД.

«…Наконец, ночью меня взяли на допрос. Войдя в кабинет № 78, следователя МАЙДИНА, я услышал крики и стоны в соседних кабинетах – это «допрашивали».

Мне МАЙДИН заявил: материалами доказано, что я враг народа, завербован Разумовым (*бывшим секретарем обкома, на имя которого Курыгин отправлял в 1937 г. докладную о «вредительстве» на Гутайском руднике, – Авт.*), а чтобы всё шло по-хорошему, я должен дать показания, иначе буду расстрелян. Я потерял сознание от этих слов МАЙДИНА. Когда пришел в себя, он мне сказал: «Слышишь, как вашего брата контру лупят? Не будешь показывать, скоро начнем и тебя. Советская власть имеет средства, и ты их слышишь за стенкой».

Придя в максимальное состояние злобы, я сказал: «Что вы делаете, подлецы, кого вы бьете! А я не был врагом и не буду!» Меня МАЙДИН сразу схватил, начал бить по лицу, отняв у меня костыль (одна нога у меня болела).

Потом я потерял сознание и упал. Пришел в себя, а МАЙДИН начал мне крутить назад руки, чтобы вызвать страшную боль. Снова посыпались удары. Уже стало совсем светло. Я терпел. Около 11 час. утра МАЙДИН устал, на смену ему пришел другой садист – НИКИТИН, который, войдя в кабинет и не задав мне ни одного вопроса, сразу стал бить меня по лицу. Силы мои стали слабнуть, но я продолжал пытаться убедить и НИКИТИНА, что я коммунист, а не враг. Но за каждое слово правды получал удары…»

Потом устал и следователь Никитин. Усевшись за стол, он достал замусоленные листки и принялся читать арестованному лекцию «О врагах народа и Коминтерна» Радеке и Раковском – была такая «служебная литература» в НКВД. Из лекции убедительно следовало, что оба «врага» остались живы только потому, что «полностью разоблачились» сами и разоблачили других. Комментарий следователя был незамысловат, как дубина дикаря: если «враг народа» Курыгин хочет жить, то подписывает показания и получает десять лет лагерей, в противном случае «пойдет червей кормить», ибо всё зависит от следователя, а он, Никитин, для такого «контрика», как Курыгин – и следователь, и судья, и исполнитель приговора.

Арестованный молчал, что понудило «лектора» продолжить:

– Молчать будешь – умереть не дадим, а показания все равно дашь! У нас все уже известно. Ты – фашист, бандит, проститутка, шпион и диверсант!

– Бросьте провокацию! Опомнитесь! Что вы делаете?! – закричал Курыгин.

Никитин оценивающе оглядел арестованного и, ни слова не говоря, вышел из кабинета. Но уже мгновение спустя вернулся с палкой в руках.

– Вот средство соввласти, при помощи которого ты все расскажешь. И расскажешь, как надо!

Никитин сбил арестованного со стула и принялся избивать палкой по спине, шее, ногам. К крикам и стонам, которые доносились из соседних кабинетов и, как казалось до сей минуты Курыгину, не прекращались все это время, теперь добавились и его стоны и крики.

Уже вскоре Курыгин охрип, несколько раз терял сознание. Заканчивались уже сутки непрерывного допроса, когда в кабинет зашел бывший чикойский опер Алексеев, ныне сотрудник УНКВД.

– Алексеев! Неужели ты, зная меня, – закричал ему Курыгин, – не поможешь мне доказать мою невиновность?!

– На тебя есть показания, – спокойно ответил Алексеев, равнодушно пожимая плечами. И вышел.

– Защитничков, гад, ищешь? – тяжело дыша, зло осведомился Никитин. – Щас мы тебе в поиске поможем!

И снова занес палку…

Когда он в очередной раз выдохся, Курыгин, сплевывая кровь, проговорил:

– Черт с вами, пишите, что вам надо, если вы не верите правде… Но помните – этой чудовищной провокации будет день разоблачения!

– Давно бы так! – засмеялся Никитин. – А то заладил: я коммунист, я невиновен, целка сраная!

Курыгин молчал, каждой клеточкой тела ощущая, что уже недалек от смерти, а выхода из окружившего его ужаса никакого не видно. Курыгин молчал и на самом деле был готов подписать любые показания, но не потому, что сломался. Нет. Он просто не представлял иного способа остановить избиение. Будет суд, и на суде он откажется от выбитых из него показаний, громко заявит правду о незаконных методах допросов и садизме следователей.

Никитин довольно уселся за стол и стал зачитывать уже готовый заранее протокол:

– «…Никитин показал, что по его заданию, как секретаря РК ВКП(Б), в районе систематически срывались основные хозяйственные и политические кампании…»

– Никогда райпарторганизация не срывала за время моей работы ни одного основного плана – ни по хлебозакупу, ни по весеннему севу, ни по уборочной, ни по лесозаготовкам и пушнине! – не вытерпел Курыгин.

– Значит планы выполнялись с нажимом! – бухнул кулаком по столу Никитин. – С целью того, чтобы вызвать недовольство среди населения! И на этой почве ты вербовал повстанцев среди бывших партизан! Восстание вы готовили! Нет?

Никитин захохотал и нажал кнопку звонка.

– Вот что, Курыгин… Дурью не майся. Установка тебе такая – сам себе придумай показания, а не выкручивайся, как проститутка политическая. Сейчас пойдешь в камеру на отдых и обдумывание. Понял? Или продолжим в том же духе, – показал он на палку.

Вошедшим конвоирам бросил:

– Уведите арестованного… Да под руки его возьмите, а то он год будет до камеры ползти. Задохлик…

Сутки спустя Курыгина снова «подняли» на допрос. Он безучастно подписал всю липу о вредительстве и уже настроился вернуться в камеру. Но не тут-то было. Дальнейшее для курыгина прямо вытекало из подписанных им «показаний». Коли согласился, что вербовал повстанцев – так давай их имена.

За отказ били снова. Так прошел еще день. И Курыгин подписал новые «показания»: Никитин называл ему села, а бывший секретарь райкома выдавливал из себя имена председателей колхозов, председателей сельсоветов…

На очередном допросе «цепочка» обретала все новые и новые звенья. Так «подтвердились» обвинения в терроре, шпионаже, диверсиях…

«Следствие» закончилось 13 сентября.

Ночью Курыгина вывели из камеры. Следователь дал последний «инструктаж»:

– Щас поведем тебя к начальству. Подтвердишь все, что подписал.

– Я заявлю, что это все – вранье, – вырвалось у Курыгина. И он тут получил по печени, по спине, под коленки, от чего упал на каменный пол. Добавили сапогами, а потом потащили наверх.

В кабинете – трое. Двое в военной форме и женщина-стенографистка, за маленьким столиком в углу.

«…Меня спросили: «Как фамилия?», после чего один военный начал буквально сам отвечать на вопросы, которые задавал, приказав стенографистке протоколировать. Это длилось 2 – 3 минуты. Затем меня увели в камеру. На другую ночь опять вызвали и дали уже отпечатанный на машинке протокол допроса, где я увидел подписи начальника отдела УНКВД ВРАЧЕВА и обл. прокурора БЕЛИКОВА, как допрашивающих меня. Я заявил, что подписывать не буду, пусть прокурор БЕЛИКОВ меня действительно допросит. Меня начали избивать. И я подписал этот провокационный протокол.

Оказалось, что на такой «допрос» ходила вся наша и другие камеры. Мы поняли, что готовится кровавое дело, нас хотят расстрелять, и всю эту провокацию скрепляют подписью облпрокурора. Мы начали писать о себе на стенах камеры: о своей невиновности. Друг другу передавали завещания, авось, кто-либо будет жив. Писать куда-либо заявления о кошмаре не было возможности, не давали бумаги, карандаша. Простой вахтер (дежурный) также издевался над арестованными, как хотел. Каждую ночь ждали расстрела, вызова на допросы прекратились…»

Но в декабре начался новый круг мучений. Так называемые «очные ставки»: одиночные «дела» слеплялись в большое, грандиозное «дело» о вредительстве и шпионаже троцкистско-бухаринско-японской банды. Для того, чтобы «очные ставки» имели нужный результат, подследственных били за малейший отход от «сценария». Последний раз, как показывает Курыгин, его избивали 7 и 8 января 1939 года, когда управлением НКВД по Читинской области руководил уже новый начальник – Куприн, сменивший арестованного в конце тридцать восьмого Хорхорина. И снова три месяца томления в камере без вызовов.

«…Вдруг 7 апреля меня вызвали. В кабинете один присутствующий заявил, что он пом. военного прокурора ИВАНОВ и вызвал меня, чтобы спросить, правильны ли мои показания. При этом присутствовал следователь НИКИТИН, который меня избивал. Пом. прокурора я все подробно рассказал и просил написать протокол допроса. Протокол был написан, хотя очень краткий. ИВАНОВ, написав протокол, начал меня грубо обрывать и упрекать в том, что как прокурор поверит, что я не враг, если я не вытерпел избиения. (*Не правда ли, железная логика?! – Авт.*)

После этого, 15 июня, я был вызван к начальнику обл. управления КУПРИНУ, где, также в присутствии следователя НИКИТИНА, я рассказал о всех методах допроса и фальсификации дела. Я был уверен, что КУПРИН поймет меня, но он на мою искренность со слезами на глазах, иронически отвечал: «Все ваши оправдания – это глупости. Как же это вы не могли давать правду? Вы должны были терпеть избиения, вы ведь случайно оказались не расстрелянным»…

Вскоре я получил извещение, что мое дело направлено в Военный Трибунал Заб.ВО. И наконец, 21 октября 1939 года день торжества

справедливости настал – я и все другие товарищи из нашего района были освобождены…»

К сожалению, так тогда казалось И. Курыгину. Как стало только сегодня известно, при изучении прокуратурой дела о «вредительстве» на Гутайском руднике, те, на кого бывший секретарь райкома Курыгин и его коллега по Красночикойскому РК ВКП(б) Сысоев написали в тридцать седьмом официальный донос, «дня торжества справедливости» не дождались.

Кому-то может показаться, что автор этих строк чересчур категоричен. Мол, зачем же уж так, в лоб: донос! Что ж, вполне можно допустить, учитывая то время, уровень идеологического зомбирования и искренней убежденности огромного количества людей в торжестве идеалов социализма, что секретари райкома на самом деле верили в замаскировавшихся врагов, были всем сердцем убеждены, что конечная цель – коммунизм – оправдывает любые средства ее достижения. И вовремя «просигнализировать», «с корнем вырвать заразу» – это и есть самая настоящая партийная решительность и классовая принципиальность. Вполне можно допустить это, тем более, помните, первые обвинения в свой адрес на обкомовском ковре Курыгин воспринял крайне болезненно. И не лебезил перед областной властью – к мнению коммунистов всего района апеллировал. Выходит, знал людей, и люди его уважали: эпизод с партсобранием в райцентре очень показателен. В гораздо более поздние времена, наполненные демократизмом, такое коллективное инакомыслие – из области ненаучной фантастики.

Все так. Но как же тогда рука подписывала докладную в обком и ее копию – Ежову? Или первые лица района для себя открывали Америку, делая, в буквальном смысле слова, смертельные выводы в отношении руководителей Гутайского рудника? Как же рождались свинцовые строки о местных «врагах народа» и их руководителях из Москвы?

Безусловно, сегодняшним поколениям трудно объективно оценить убеждения и поступки старших поколений. Другое, неизвестное время. Жить в условиях тоталитарного государственного террора и быть борцом-одиночкой против этого режима – довольно короткий путь к верной гибели. Сатупить на этот путь может, конечно, только Личность. Среди миллионов – единицы таких людей. История человечества – тому подтверждение.

Поэтому, вполне возможно, что Курыгин и другие думали и поступали так, как подсказывала въевшаяся в плоть и кровь «партийная совесть», как диктовало «революционное сознание». И сегодня, когда все шире и шире раскрываются трагические страницы недавнего прошлого, устойчивы стереотипы этого прошлого. Для тех, кто жил тогда – они и есть сама Жизнь. Множество оттенков-обстоятельств, которые старшим поколениям и ныне, при самом объективном анализе прошлого, не дают разделить его на Черное и Белое. И ныне… А тогда?

Но были и остаются непреходящие высшие человеческие ценности. Добра и Зла. Лжи и Правды. И они позволяют отделить жертву от палача, слабого духом от предателя, авантюриста от героя.

Но оставив исследования этих категорий философам, историкам, психологам. Как и мелочное злорадство – обывателям. Рассказ о кругах ада, которые прошел И. Курыгин, – это, конечно же, не перепев народной мудрости: «Не рой другому яму…» Напротив. Рассказ о страшном повороте в судьбе секретаря Красночикойского райкома – попытка добавить еще одну крупицу к той страшной правде о 1930–50-х годах, знать которую всем нам жизненно необходимо и важно. Нельзя не согласиться с И. Климовым, завершившим свой рассказ о «деле № 2096» словами: «Эта правда нужна нам всем, чтобы никогда не допустить в нашей стране разгула произвола». История И. Курыгина – ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Дальнейшая судьба бывшего партийного руководителя известна мало. В партии об был восстановлен. Но для него самого, если судить по заключительной части его заявления в ЦК, предостережением все происшедшее не стало. Он остался слеп: по-прежнему считая все случившееся «разовой» провокацией, «гнусной работой врагов, пробравшихся в органы НКВД», он пишет о своем горячем желании помочь партии «разоблачить провокацию до конца и до конца очистить сов. разведку от людей, которым в ней не место». Курыгин остается слеп. Он не видит, что проблема вовсе не в никитиных, алексеевых и прочих исполнителях из районных или областных карательных органов. Сама Система сталинского государственного терроризма стоит перед ним. Вполне возможно, что несколько позже эта слепота стала для Курыгина роковой. А если ему посчастливилось выжить, то хочется верить, что пришло прозрение и к нему.

Хочется верить. Но когда смотришь вокруг – слабеет подобная надежда. Слишком много, несмотря на сумасшедший разгул гласности – по-другому и не скажешь! – было и остается адептов сталинского времени. Желание видеть порядок в государстве нередко оборачивается ностальгией по «жесткой» сталинской руке. Или разумной середины мы не знаем и знать не хотим?

Орфография и пунктуация в цитируемых документах сохранена. Автор.

© Олег ПЕТРОВ, 1991.